

ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

ГЛАВА 10. ТИП ОТЧУЖДЕНИЯ БЛАГ И ЛИЧНОСТИ. ФОРМАЦИОННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

§ 1. Понятие типа отчуждения благ и личности. § 2. Тип отчуждения в формационном цикле. § 3. Понятие формационных противоречий. § 4. Предварительные замечания о первой формации. Начальные этапы доэкономического отчуждения. § 5. Доэкономический тип отчуждения: общая характеристика. § 6. Внеэкономический тип отчуждения. § 7. Полуэкономический тип отчуждения. § 8. Экономический тип отчуждения (становление).

§ 3. Формационные противоречия

3.1. Необходимость категорий

Диалектический метод познания, родившийся в Греции и систематизированный Гегелем, стал мощным познавательным оружием. Но схоластичность и объективизм в использовании диалектики сделали ее объектом постоянной критики¹. Однако даже значительная часть оппонентов согласна, что к социальной действительности категории диалектики все же больше или меньше приложимы.

Понятие противоречия - одно из центральных в диалектике. Оно способно сыграть важную роль и в теории исторического процесса, поскольку показать его движущие силы без понятия противоречия сложно. Должен быть источник развития, а «энергия» этого источника генерируется как раз за счет каких-то противоположных процессов. В еще большей степени противоречие необходимо для показа движущих сил формационного цикла и смены формаций.

Однако совершенно понятно, что к общественным явлениям понятие единого, общего для всей формации противоречия применимо с существенными оговорками. Точнее было бы говорить о сосуществовании противоречивых (противоположных, разнонаправленных) тенденций или факторов которые в известном смысле тесно связаны между собой так что изменение в одном раньше или позже отражается на другом. Но даже о тенденциях и факторах можно говорить достаточно условно.

С другой стороны, без синтетических объемных понятий исследование и обобщения на высоких уровнях немислимы. «...Диалектика развивается в двух весьма различных направлениях... к единству субстанции и в плане множественности субстанций», - объяснял подобные ситуации Гастон Башляр².

Итак, использование описываемых в данном параграфе категории всегда требует определенных поправок при выводах и особенно приложении их к той или иной ситуации

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1998 дь 1999; № 1, 2, 3, 5; 2000. № 1-4.

¹ Известный ревизионист Бернштейн оценивал, например, диалектический метод как «ловушку», в результате попадания в которую выводы Маркса разошлись с действительностью. Он даже утверждал, что все, что удалось сделать Марксу и Энгельсу и сохранило свое значение, было сделано не благодаря, а вопреки диалектике Гегеля (см.: Раинко С. *Марксизм и его критики* / Пер с польск. М.: Прогресс, 1979. С. 126). Дежурными стали также обвинения в некритическом применении «триад», в том, что диалектика превратилась в нечто вроде натурфилософии и метафизики.

² Башляр Г. *Новый рационализм*. М.: Прогресс, 1987. С. 207.

При этих условиях они могут быть весьма плодотворными. Подобной увязки смысла понятия с масштабом, уровнем и сложностью объекта не только не следует бояться, но напротив, именно такой подход и будет продуктивен. «Мы всегда должны испытывать недоверие к понятию, которое не смогли еще диалектизировать», - тонко подмечал Башляр³. И напротив, необходимы категории, с помощью которых ученый, исследуя неопределенности перехода, по выражению Валлерстайна, будет чувствовать себя комфортно⁴.

3.2. Система формационных противоречий и форма-ционный цикл

Главное в системе формационных противоречий связано с длительным процессом замены переходного противоречия основным. Основное противоречие относится к зрелым этапам формации, когда появляются ее собственные черты, а переходное - к ранним, незрелым. И хотя оно принадлежит уже новой молодой формации, еще очень тесно связано с уходящей.

Схематично движение формационных противоречий выглядит так. В конце формационного цикла происходит частичное разрешение основного противоречия. Затем в первом этапе уже новой формации начинается процесс его превращения в переходное противоречие. Оно постепенно трансформируется и модифицируется, все сильнее смешивается в нечто устойчивое и симбиотическое с растущим новоформационным противоречием. Постепенно новое противоречие становится зрелым и главным противоречием (при этом переходное превращается в остаточное). По мере того как оно становится все более и более зрелым, нарастают кризисные моменты. И затем начинается процесс его разрешения.

Исходя из этого, система формационных противоречий выглядит следующим образом.

Переходное:

- староформационное (первый этап цикла);
- симбиотическое (то есть слившееся с незрелым основным - второй этап). В конце второго этапа начинается трансформация переходного симбиотического противоречия в остаточное.

Остаточное:

- комплексное (то есть еще представленное в системе - третий этап);
- фрагментарное (четвертый этап).

Основное противоречие:

- незрелое (второй- третий этапы формационного цикла);
- зрелое (четвертый-пятый этапы);
- перезрелое (шестой этап).

Далее в конце шестого начинается разрешение основного противоречия, которое постепенно трансформируется в переходное.

Выделение подтипов внутри главных типов противоречий связано со степенью их зрелости и «чистоты».

Полного вакуума в отношении противоречий быть не может, поскольку наличие одного противоречия компенсирует отсутствие другого, сила одного возмещает слабость второго. Но есть периоды и ситуации, когда общая сила противоречий существенно ослабевает. И, благодаря такому разрежению, при хорошо набранном импульсе развитие может идти очень быстро и вести к новому качеству. Подобный импульс может создаваться, например, мощным демографическим ростом, который сразу не

³ Башляр Г. Ук. соч. С. 272.

⁴ См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ / Время мира // Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии... Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 123.

останавливается, а имеет длительную инерцию; или стремлением к выгодному производственному вложению капитала, которое при благоприятных условиях в обществе само по себе мощный двигатель. В настоящий момент такой импульс приобретают наука, образование и информатика.

Другими словами, когда новое стремится к росту и расширению и перед ним ломается преграда, длительное время мешающая этому, развитие становится бурным. Через некоторое время сила этого потока иссякает, появляются новые преграды, и энергия опять начинает накапливаться за счет противоречий. Образно говоря, противоречия выполняют роль своего рода плотины, которая накапливает потенциальную энергию. Затем, после разрешения противоречия, потенциальная энергия развития переходит в реальную. Но величина перепадов не должна быть слишком большой, иначе берега размываются, энергия из полезной становится злой и разрушительной.

Описанное ослабление (разрежение) силы противоречий создается, например, при частичном разрешении основного противоречия в шестом - начале первого этапов формационного цикла, а затем вновь в конце первого - начале второго этапов, когда в значительной мере разрешается переходное противоречие.

3.3. Основное противоречие

3.3.1. Понятие основного противоречия формации

Основные противоречия уже перечислялись. Однако стоит напомнить их:

1. Между возможностью производить больше и отсутствием для этого потребностей и социальных возможностей.
2. Между способностью хозяйства создавать большой излишек благ и непроизводительным его потреблением.
3. Между все более общественным характером производства и частно-корпоративным способом распоряжения им.
4. Между гигантской сложностью производства и его стремлением к безудержному росту, с одной стороны, и ограниченностью физических, интеллектуальных и психологических возможностей людей - с другой⁵.

Основное противоречие показывает, как уже говорилось, некоторые несоответствия между принципом производства и типом отчуждения, которые или поддерживают в главном воспроизводство отношений, или - при значительном усилении несоответствий - ведут к смене формации. Однако здесь требуется некоторое уточнение.

Основное противоречие - это противоречие формации в целом, и в нем реализуется оба правила соотношения формационных категорий: инвариантности и большей фундаментальности принципа производства. Отсюда одной стороной противоречия выступает принцип производства, а второй - следовало бы считать остальные формационные категории вместе. Но поскольку соотношение каждой из них с принципом производства особое, то фактически идею основного противоречия пришлось бы заменить идеей нескольких основных противоречий. А для нашего уровня исследования это непродуктивно. Поэтому будем говорить о едином противоречии, но трактовать его как противоречие между принципом производства и типом отчуждения.

Для такого приема есть и важные онтологические основания, поскольку в типе отчуждения преломляются и все остальные составляющие формацию моменты, хотя для каждой формации тут имеются большие особенности. Кроме того, когда принцип производства и тип отчуждения притираются друг к другу, формируется некое единство, которое можно считать стержнем формации.

Таким образом, основное противоречие - противоречие в системе всей формации, но представленное как противоречие между принципом производства и типом

⁵ Это предполагаемое противоречие теперь еще молодой формации в зрелости (то есть в будущем).

отчуждения. Образно говоря, оно показывает центр равновесия внутри формации, поддерживающий ее баланс, причем если этот центр сдвигается, то нарушается и баланс. Поэтому отношение типа отчуждения и других моментов формации к принципу производства может быть трех видов:

1. Соответствуют принципу производства, тогда развитие замедляется.
2. Становятся тормозом на пути развития принципа производства, и основное противоречие обостряется.
3. Открывают путь для развития принципа производства, и тогда развитие идет быстро.

3.3.2. Преломление основного противоречия в отдельных обществах

Как и другие формационные категории, основное противоречие можно представить в двух измерениях: горизонтальном и вертикальном. Для анализа особенностей отдельных линий развития важнее вертикальное измерение. Исследование первичных переходов, то есть ситуаций, когда основное противоречие впервые созревает или впервые разрешается перспективным способом в обществах-первопроходцах, невозможно без выделения в вертикальном измерении генеральной линии. Для анализа же сходства в разных обществах одной формации, которые сосуществуют на значительном пространстве или диахронно, важнее горизонтальное измерение.

В последнем случае **основное противоречие в своей зрелости предстает как синтез собственных противоречий обществ одной формации**. Но исключительно важно осознавать, что формационное противоречие в каждом обществе преломляется по-своему, а специфические противоречия того или иного общества могут быть для него гораздо сильнее формационного.

Очевидно, что в отдельных обществах формационные черты в чистом виде присутствовать не могут, поскольку они являются абстракцией. Кроме того, в каждом обществе всегда есть то, что можно назвать историческими традициями или пережитками прошлого.

Определенный процент старого обычно существенно не препятствует нормальному развитию. Однако соотношение староформационного и новоформационного в зрелых стадиях может быть очень разным. В одних обществах (особенно при внешнем заимствовании) вместо достаточно чистых возникает симбиоз старых и новых отношений, своего рода напластование эпох. Примером этого является Япония в первой половине XX века или Индия - во второй его половине.

Напротив, в тех обществах, которые свое развитие начинают поздно (уже в данную формацию) и не несут значительного груза исторического наследия, нередко формируются более чистые отношения, что может способствовать их особому или более быстрому развитию. Примером этого служат США, где общий демократизм жизни, роль прессы, отсутствие лендлордов, формирование нации и т. п. - все существенно отличалось от Европы, с трудом изживавшей многие вещи.

В колонизируемых обществах формирование и созревание основного противоречия затягивается, пока они не обжиты и не заселены в достаточной мере.

Вообще, пока существует возможность экстенсивного роста без качественных перемен в производстве, основное противоречие не формируется, поскольку нет достаточного накопления **кризисного давления**. Отсюда в рамках формации идет поиск наиболее приемлемых условий для возникновения такой ситуации: в одних обществах, которые слишком малы, кризисные моменты проявляются рано, до срока. В других - необходимая кризисная ситуация возникает слишком поздно. Так на малых площадях Аттики демографическое давление возникло раньше, чем это соответствовало формационным характеристикам, а в России — значительно позже.

Следует отметить, что могут перениматься не только производительные силы или отдельные институты, но и формы преодоления противоречий (в частности, революции и реформы).

3.3.3. Формирование и развитие основного противоречия

Только во втором этапе начинается формирование незрелого основного противоречия. Оно во многом еще не похоже на будущее зрелое противоречие, а в какой-то части может напоминать переходное. Так, грабительские войны варварского периода в чем-то сходны с налоговой эксплуатацией, а в чем-то (например, в правилах раздела добычи в демократической форме принятия решений) с переходным противоречием между первой и второй формациями. Но войны и грабежи как способ внеэкономического отчуждения сильно отличаются как от налоговой, так и от отчуждения с использованием традиций, обычаев и общественного мнения в пользу коллектива или отдельных групп, характерных для примитивных земледельцев.

В незрелом основном противоречии еще нет системы из-за неустойчивости, неопределенности форм основных общественных единиц и отношений как внутри них, так и между ними (например, те же войны, всегда есть момент крайней неопределенности и неупорядоченности). И даже когда новые сектора становятся ведущими, незрелое противоречие выступает не в чистом виде, а в симбиозе с переходным, так как новые отношения в большей или меньшей степени на более или менее высоком уровне продолжают кутаться еще в старые отношения.

Например, проникновение товаро-денежных отношений в сельское хозяйство долго не вытесняет антагонизма между крупными господскими и мелкими крестьянскими владениями, а только частично трансформирует их в особые арендно-отрабочные отношения. И даже появление слоя крупных фермеров не перестраивает их, а в значительной мере поощряет паразитизм лендлордов. Исключение, конечно, составляли колониальные страны, где фермерско-капиталистический тип формировался на свободной от феодализма основе.

Но когда незрелое основное противоречие связано с расширением зоны формации, оно предстает в более чистом виде, так как в известной мере становится противоречием между старой и новой формациями, когда последняя стремится подчинить первую, точнее распространить на нее свое влияние, включить в свою орбиту. В отдельных передовых обществах устранение переходного противоречия влечет за собой стремление к экспансии⁶.

Таким образом, начинает формироваться и географическая структура основного противоречия в виде центра и периферии. Позже, уже в пятом этапе, это внешнее противоречие перерастает в противоречие между зрелой и незрелой частями одной и той же формации⁷.

Третий этап связан с вытеснением переходного противоречия, которое постепенно превращается в остаточное. Одновременно формируется как бы прообраз зрелого противоречия в передовых секторах, в которых совершается второй этап производственной революции. Однако к концу третьего этапа возможности, которые открылись для принципа производства предшествующими изменениями в политической, социальной и духовной сферах, оказываются во многом исчерпанными. Так или иначе

⁶ «Если после гражданских смут народы обращают внимание свое на внешнюю политику, то они оказываются наиболее сильными, т.к. остается предшествующее возбуждение, не имеющее уже объекта внутри и ищущее его в других странах» (Гегель Г. Философия истории. М.-Л., 1935. Т VIII. С. 286).

⁷ Это не всегда означает прямую победу более высоких отношений над менее развитыми. В истории нередки случаи, когда отстающие общества могут воспринять более высокие отношения только через победу над ними, через частичное разрушение их. Так было при падении Римской империи, при захвате кочевниками Китая и других стран.

выясняется значительное отставание этих моментов. Поэтому в этапе зрелости в надстроечных институтах идут очень серьезные перемены.

В четвертом этапе формируется наконец и зрелое основное противоречие. Как уже сказано, оно стремится законсервировать отношения, стабилизировать их, воспроизводить без существенных изменений. Противоречие начинает выполнять роль сдерживающей силы. Но это нельзя понимать как абсолютный застой. Полной остановке препятствует сила инерции предыдущих процессов. Инерция развития принципа производства особенно велика. Конечно, в доиндустриальную эпоху во многих обществах сила непродуцированных сфер подавляла эти потенции, но все же и в каждом обществе, и особенно на формационном уровне, развитие шло. С другой стороны, какой бы ни была консервативной система, не реагировать на внешние вызовы она не может. А, следовательно, так или иначе изменения накапливаются.

Пока потенции принципа производства не реализовались в достаточной мере, точнее, пока их развитие еще приемлемо (системно) в рамках формации, основное противоречие еще не оформилось полностью, оно еще не кризисно в той мере, чтобы требовалась смена формации (хотя любой кризис на любом этапе в тех или иных обществах может принимать внешне острые формы).

Главным ограничителем до определенных пор выступают сами производительные силы, которым нужно время и подходящие условия для реализации ряда потенций. Однако по мере того как новации ширятся, общество получает в свои руки техническую возможность производить (поставлять на обмен, перемещать) блага в гораздо большем объеме, чем ранее.

Поскольку количество прибавочного продукта существенно возрастает, основное противоречие становится более зрелым, глубоким и всеобъемлющим. Теперь на передний план выходит его общественный аспект. Ведь хотя благ стало гораздо больше, чем раньше, но сложившиеся в предшествующий период и более консервативные, чем производительные силы, отношения препятствуют изменению основ распределения. Отсюда возросшие возможности производства используются недостаточно (неэффективно, расточительно) из-за несовершенства распределительных (собственности, правовых и прочих) отношений.

Кроме того, и в производстве, и в распределении, и в других сферах появляется масса новых, во многом несистемных для данной формации моментов. Они еще не образуют новой системы, но их критическая масса такова, что костяку старых и более отсталых отношений становится все труднее сохранять основы старой системы. Отсюда всевозможные компромиссы, отступления от принципов или, напротив, попытки вернуться к истокам, чистоте отношений; отсюда существенная неоднородность общественной ткани, всевозможные и разнообразные давления, влияния и идеи, которые расшатывают положение.

В результате возникает необходимость изменить часть из основополагающих отношений, что в конечном счете и приведет к трансформации всей системы. Этому могут сильно способствовать глубокие кризисы и катаклизмы объективного порядка (не вызванные общественной борьбой) в виде тяжелых войн, эпидемий, экономических кризисов, о которых ранее неоднократно говорилось.

3.3.4. Разрешение основного противоречия

Обострение основного противоречия означает, что:

- а) потенциально подготовлена почва для появления нового принципа производства и формации в целом;
- б) появились уже значительные их элементы, которые однако не сложились еще в систему;

в) необходима очень существенная перестройка важнейших общественных институтов и отношений, в которых в известной мере как бы заключается «смысл» формации.

У обществ при достижении такого уровня есть два принципиальных пути:

4. Необратимый кризис.

В результате развитие начинается с более низкой отметки. Этот путь был гораздо распространеннее ранее, но он не исчез и теперь. Хотя и без катастрофического уменьшения населения и запустения территорий, но распад государств налицо, падение производства и жизненного уровня тоже⁸.

5. Разрешение противоречия.

Что же составляет смысл разрешения основного противоречия в конце шестого этапа? В результате победы новых сил, либо объективной нужды в перестройке, либо такого заимствования, которое в конце концов требует изменения многих институтов, идет перекомбинация отношений. Более новые и потому более подходящие к изменившимся условиям отношения выходят на первый план. Вместе с такой перекомбинацией появляются и некоторые новые вещи, которые востребуются в полном объеме далее и позже потеснят те, что сейчас открыли им дорогу. Здесь видна непрерывность процесса. Но при заимствовании сразу зрелых отношений такая преемственность может нарушаться.

Разрешение основного противоречия осуществляется также двумя главными путями.

Первый связан с тем, что хотя общество преодолевает в некоторых моментах важные ограничения, но его дальнейшее развитие идет в рамках старой формации. А это означает сильное изменение всех нормальных для нее пропорций. Поэтому спираль формации делает как бы еще один (эволюционно лишний) виток. С одной стороны, уровень, откуда могла бы начаться новая формация, остается позади. Но с другой - такие варианты не могут сами привести к рождению новой формации и эволюционно необходимы, чтобы обнаружился более перспективный путь. Таким образом, они обречены стать боковыми линиями.

Все же раньше или позже в подобных обществах основное противоречие вновь обостряется. Но при очень высокой зрелости отношений оно принимает уже столь сложные формы, что иногда вообще не может быть разрешено без разрушения системы, либо разрешается уже с чрезмерными потерями.

Второй путь (он описан подробно ниже) также связан с частичным разрешением основного противоречия, но уже не в рамках старой формации, а с созданием нового принципа производства, рост которого раньше или позже неизбежно окончательно уничтожит остатки противоречия.

3.4. Переходное и остаточное противоречия

3.4.1. Развитие переходного противоречия и разрешение его в различных сферах

Итак, в конце 6 этапа идет частичная замена в рамках общей системы главных отношений неглавными, которые в течение некоторого времени (первого и частично второго этапов), по сути, выполняют роль строительных лесов нового типа отчуждения. И поскольку вместе с уходящей формацией растет уже новая, этот период является переходным. Но процесс разрешения основного противоречия весьма длительный. Поэтому хотя вступление в первый этап означает, что эволюционно теперь это противоречие является старым и уходящим, но фактически долгое время переходное противоречие остается главным, поскольку нового еще нет. Переходное противоречие одновременно сидит корнями в прошлом, но уже приспосабливается к настоящему и,

⁸ Однако то, что касается СССР, это скорее уже результат перерастания пропорций, не шестого этапа третий формации, а седьмого (бокового).

образно говоря, стремится врати и в будущее. Оно носит черты и старого, и нового. После разрешения основного противоречия в типе отчуждения, оно должно разрешиться во всех сферах. А раз захватывается столь широкий фронт, острота и широта остаточного противоречия будет больше, чем у основного. Поэтому ретроспективно кажется, что главный перелом происходит именно в это время. Между тем первичный и эволюционно главный перелом совершается существенно раньше. Ведь чтобы столкновение старого и нового стало столь острым и глубоким, должно произойти много перемен.

Возьмем для примера период XIV-XV в. н. э. Эпидемии чумы, войны, изменение климата и прочие природные и общественные явления привели к сокращению населения и рабочей силы. А это сильно повлияло на распределительные отношения в ряде стран и тип отчуждения в целом. Следствием этого стали отмена крепостного права, рост заработной платы, окончательная экономическая самостоятельность городов и большие перемены внутри них, развитие товаро-денежных и кредитных отношений, рост механизации труда и т. п. Все это были необходимые условия для экономического и технического подъема в XV в. Нельзя сказать, что эти перемены шли гладко, без борьбы. Но ее размах, ожесточение, идеологическое обоснование, длительность и прочее не идут ни в какое сравнение с последующей эпохой - XVI веком, веком Реформации. Между тем XV век ознаменовал вступление в новую формацию, а XVI - только переход с первого ее этапа во второй. Ибо чтобы кризис в обществах принял столь упорные формы, потребовалось больше века постепенных перемен.

В течение первого этапа переходное противоречие постепенно нарастает, и по мере этого все сильнее ощущается разрыв между новым базисом и старой надстройкой, между новым бытием и старым сознанием. Результатом являются большие изменения в политической, социальной и идеологической сферах.

Нарастает общественная борьба. В начале третьей формации (XVI-XVII вв.), как сказано, в Европе она шла в виде религиозных войн и ранних революций. В начале четвертой формации (конец 60-х начало 70-х годов XX в.) подобные конфликты в Европе и в Америке приняли форму различных молодежных, студенческих, женских, этнических и расовых движений, протестов, столкновений, бунтов.

Такая борьба может иногда разрушить только отдельные Моменты или, напротив, сломать и то, что могло стоять еще очень долго. Это зависит уже от расстановки сил, случайностей, остроты борьбы и прочих ситуативных обстоятельств. Другими словами, **амплитуда глубины и скорости разрешения обострившегося противоречия в каждом обществе может быть весьма большой.** А поскольку результаты борьбы не запрограммированы, в отдельных обществах могут победить и консервативные отношения.

В социальной сфере происходят большие изменения, в связи с появлением масс людей, ориентированных на новые сектора, резким уменьшением тех, кто связан со старыми. Но главное, что требуется для разрешения переходного противоречия, связано с необходимостью ротации (расширения) состава элиты и привилегированных слоев, вплоть до их смены, а также отмена (расширение, изменение) привилегий.

В связи с изменениями социального состава, ростом населения, территории, связей и прочего требуется изменение политической структуры⁹. Возникновение образований типа вождеств и крупных вождеств; абсолютная (или конституционная) монархия в новое время; изменение характера де-мократии и появление надгосударственных политических структур во второй половине XX века - это свидетельства такого рода политических перемен соответственно в начале второй, третьей и четвертой формаций.

⁹ Но может быть и наоборот, когда насущные политические задачи требуют изменения социальной структуры. Не так ли случилось в Японии с аграрными и иными реформами в результате революции Мэйдзи или после оккупации 1945 года?

В общественном сознании в этот период происходят глубокие изменения, связанные, во-первых, с новыми средствами информации (для второй-четвертой формаций это соответственно: письмо, печатное слово, информатика), во-вторых, с сильной трансформацией идеологии (соответственно: раннее язычество и развитие мифологии; появление реформированной религии и других идеологий в Европе; появление идеологии глобализма, сохранения природы, нового мирового порядка, необходимости подчинения национальных приоритетов наднациональным и мировым). Особенности смены или трансформации идеологии во многом зависят от соперничества элит, остроты их борьбы и терпимости; сопротивления старой и эластичности как старой, так и новой идеологий.

3.4.2. Некоторые характеристики переходного противоречия

В конце первого - начале второго этапа переходное противоречие в существенной мере разрешается, что обеспечивает расширение и изменение способа производства и отчуждения. В течение второго этапа, когда оно в значительной мере теряет свою остроту, формируется незрелое основное. В результате возникает **симбиотическое** переходное противоречие.

Возможность для такого симбиоза обуславливается тем, что качественный разрыв между старым и новым еще не столь велик, каким окажется на этапе зрелости. Кроме того, здесь в значительной мере представлены, хотя и староформационные, но возникшие на последних этапах формации отношения. А значит, по уровню они близки к незрелым отношениям новой формации. Отсюда не только возможность для симбиоза, но и его прочность. Например, у ранних земледельцев и скотоводов родовые отношения уже существенно иные, чем в досельскохозяйственную эпоху (так, во многих социумах на смену беспредковому приходит предковый род). Но все же, в значительной мере эти отношения еще похожи на те, что были у поздних собирателей и охотников. Близость отношений усиливается и за счет того, что старые сектора являются все еще важными. Благодаря прочности симбиоза незрелые формы молодой формации способны существовать весьма долго.

Первоначально переходное противоречие разрешается внутри прежней общественной системы. Затем разрешение противоречия может выноситься за пределы обществ. В новое время такую роль выполняли европейские войны (тридцатилетняя, тринадцатилетняя, семилетняя). Но иногда противоречие сразу может иметь и внутренний, и внешний характер. Это зависит от характера системы, в которой это противоречие обостряется. Так, поскольку католическая религия имела всеевропейский объем, то и реформационные войны приняли во многом наднациональный характер.

Переходное противоречие, говоря словами Грановского, показывает «последнее слово отходящего, основное начало возникающего порядка вещей»¹⁰. Оно есть **противоречие между сильно изменившимися масштабами и возможностями новой формации, с одной стороны, и отстающими от них социальными, политическими и идеологическими отношениями, не позволяющими в необходимой мере реализовать эти возможности - с другой**. Масштабы же изменяются почти во всем, но особенно в размерах территории, численности и плотности населения, количестве прибавочного продукта, плотности и широте контактов с соседями. Причем это касается как типичных общественных единиц, так и их пространственно-временных группировок.

Таким образом, в результате победы и распространения нового принципа производства и других формационных моментов масштабы сцены формации и размеры, фигурально выражаясь, каждого из ее актеров существенно вырастают. А политические, идеологические, социальные одежды не успевают за таким ростом и становятся малыми. Отсюда возникают конфликты, в общем виде выражающиеся в понятии обострения и разрешения переходного противоречия.

¹⁰ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1987. С. 315. (Примеч. авт.)

Вышеприведенное весьма общее и абстрактное определение для любой формации показывает, что направленность, острота и формы переходного противоречия в разных социальных организмах принимают самые разнообразные формы. И так непременно должно быть. Ведь в одних случаях резко увеличивается территория, в других — население или его плотность, в третьих - на общество сваливается богатство, в четвертых - заимствованные возможности управления, мобилизации ресурсов просто вынуждают к политическим и иным реформам, в то время как остальные сферы отстают. Отсюда в каждом случае главными могут быть какие-то особые конфликты. Скажем, в идеологических обществах они непременно связаны с идеологией, в более прагматических - с привилегиями, налогами¹¹.

Главное, что они объективны и вытекают из общеформационных и общеэволюционных процессов. Значит, у них в чем-то общая природа, в чем-то они похожи. Это не дает ответа на конкретные вопросы истории, но облегчает их поиск, облегчает применение сравнительно-исторического метода, который приобретает более прочное основание. «Логика должна годиться для всех новых теорий, изучающих новые динамические объекты. Она должна кристаллизовать их в такие системы, которые представляли бы собою типы объектов, сделанных подвижными»¹².

Разумеется, для каждой формации можно говорить об абстрактных формулировках переходных противоречий, что и будет сделано в следующих параграфах. Но и там эти формулировки лишь общетеоретический каркас, помогающий очертить область исследования.

3.5. Остаточное противоречие

Понятие **остаточного** противоречия введено потому, что и после победы собственного основного противоречия реально процесс идет как постепенный уход старого и приход нового, а не как единовременная замена старого на новое.

Итак, в течение второго этапа острота переходного противоречия снижается, а незрелое основное формируется и занимает уже определенное место в симбиозе. Для того же, чтобы оно стало в нем ведущим, необходимо, чтобы, во-первых, старые сектора потеряли существенное значение и (или) прочно втянулись в новые отношения, во-вторых, чтобы общественные отношения давали простор для развития производства, в-третьих, чтобы слои и элита, связанные с новыми секторами, стали доминирующими. В этом случае может начаться второй этап производственной революции и формация выйдет в третий этап. По мере его развития указанный симбиоз станет распадаться: основное противоречие начнет обретать зрелость, а переходное все сильнее будет трансформироваться в остаточное.

Длительное время остаточное противоречие носит **комплексный** характер, так как хотя и не играет очень важной роли, но, во-первых, сидит во многих моментах, во-вторых, в ряде секторов представлено в системе, в-третьих, силы, которые стоят за ним, еще имеют вес.

Ситуация меняется во время четвертого этапа. Остаточное противоречие уменьшается, загоняется в отдельные сектора или области жизни, где влияние нового принципа производства и типа отчуждения ощущается слабее. Поэтому оно имеет уже **фрагментарный** характер. Тем не менее в обществе всегда много разнообразных остатков старого, которые не мешают основному функционированию. И расчистка от этих остатков идет не только на протяжении всей формации, но даже в начале следующей.

В социальных организмах, далеких от генеральной линии, поскольку там первые этапы новой формации проходились ускоренно (за счет заимствования), переходное

¹¹ Недаром Валлерстайн говорил, что ни одна ситуация не является более сложной, чем длительные периоды перехода, а детерминирование одних моментов другими в этой ситуации выглядит не просто сложным, а сверхсложным (Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. С. 123).

¹² Башляр Г. У к. соч. С. 252

противоречие не всегда трансформируется в остаточное. Здесь диалектика такова, что старое противоречие подавляет или вбирает в себя новое, частично редуцируя новые отношения к старому уровню, частично модифицируя старые. Такой симбиоз часто дает взрывоопасную смесь. Подобные общества, используя выражение Ленина о России в конце XIX в., страдают не столько от развития нового, сколько от недостаточного его развития.

§ 4. Предварительные замечания о первой формации, начальные этапы доэкономического типа отчуждения

В процессе работы над этой главой параграф о доэкономическом типе отчуждения пришлось разбить на два. Необходимо было с достаточной полнотой изложить некоторые моменты, которые касаются первой формации вообще и особенно ее начальных этапов. Мне хотелось высказать не-которые идеи и предположения, без которых системное изложение развития типа отчуждения и других категорий окажется затруднительным. Проведенный анализ будет иметь значение и для последующих глав, когда придется разбирать проблемы становления политической, социальной и духовной подсистем первобытности.

4.1. Некоторые особенности первой формации и ее хронологии

4.1.1. Зарождение формационности

Как уже говорилось, почти общепризнанно, что этнографические народы стояли на уровне не ниже мезолита (в моей классификации это значит, что этнография дает материал, сравнимый лишь с пятым этапом первой формации). Поэтому отсутствие надежных фактов не только о начальных, но даже о зрелых этапах первой формации, делает многие утверждения о ней только более или менее правдоподобными гипотезами¹³. Конечно, как тонко подметил Гегель, «именно смутные и темные времена составляют излюбленную тему и особенно привлекательны для ученых»¹⁴. Однако такой интерес сам по себе проблем не решает.

Анализ первой формации, и особенно ее начальных этапов, связан и с иными общеизвестными трудностями. В частности, крайне сложным оказывается «адекватно уловить диалектическую грань между изоморфизмом (сходством) животного мира и общества, с одной стороны, и их коренной, принципиальной противоположностью - с другой»¹⁵. Есть, однако, и сложности, специфические именно для моей теории.

Дело в том, что именно в эти очень отдаленные и длительные периоды (от рубежа примерно 40 тыс. лет назад) и начинает зарождаться формационность, то есть развитие в уже известном читателю формационном цикле. Но раз периодичность и цикличность только-только закладываются, то первая формация должна иметь существенные особенности по сравнению с последующими.

Вторая проблема заключается в том, что начальные этапы любой формации сильно отличаются от зрелых ее этапов, поскольку являются во многом еще переходными от старой формации к новой. Но в нашем случае переход осуществляется даже не от формации к формации, а от доформационного способа развития к формационному. Поэтому начальные этапы первой формации должны иметь тем более существенные особенности и от всего исторического процесса, и при сравнении со зрелыми этапами первой формации. Но сформулировать указанные особенности можно только предположительно, поскольку именно эти эпохи менее всего известны.

¹³ «От палеолита дошли до нас лишь декорации, а не сами действия, следы которых редки и непонятны. И мы подобны тем, кто пытается восстановить пьесу, не видев ее, по пустой сцене, где написаны, например, дворец, озеро и лес в глубине» (Анри Леруа-Гуран. Цит. по: Андреев И. Л. Происхождение человека и общества 2-е изд., пер и доп. М.: Мысль, 1988. С. 239).

¹⁴ Гегель Г. Философия истории. Соч. Т VIII М.-Л., 1935. С. 214.

¹⁵ Андреев И. Л. Ус. Соч. С. 7.

Обходить некоторые моменты потому, что недостаточно фактов, часто весьма разумно, но в данном случае я вынужден высказать свою точку зрения, чтобы концепция имела достаточную полноту. Поэтому мне придется полагаться на обычную логику и логику, вытекающую из авторской теории, а также на гипотезы, которые не должны, конечно, противоречить существующим фактам, а напротив, объяснять их.

Относительно особенностей первой формации в целом можно сказать следующее. Главные из них связаны: а) с малыми размерами социумов, а малые коллективы в любом случае не способны были создать широкий фронт достижений (не то, что цивилизации древности и средних веков); б) их изолированностью. А раз степень плотности контактов была весьма и весьма низкой, следовательно, прочность изменений и скорость развития первобытного человечества также были очень малыми.

Значит, эти слабости должны были компенсироваться, во-первых, длительностью развития, во-вторых, большим количеством линий развития. Подобно тому как у низших животных простота зародыша и слабая его защищенность от неблагоприятных факторов компенсируются большим числом зародышей, так и в этой формации слабость сохранения достигнутого восполнялась количеством погибающих и возникающих социумов, массой исчезающих из оборота и вновь открываемых вещей и идей, пока уровень сохранения культуры и обмена с другими обществами не поднялся до определенной высоты.

Сказанное означает, что при благоприятной природной среде и длительной стабильности многие общества верхнего палеолита могли в гораздо более короткий срок, чем формация в целом, достигать очень высокого уровня развития в тех или иных направлениях (свидетельство тому - живопись и искусство, ранние памятники высокоспециализированного собирательства и т. п.). Хотя это были односторонние успехи только в каких-то отдельных областях, все же при их сохранении и заимствовании скорость развития выросла бы во много раз. Однако в большинстве случаев этого не было¹⁶. Поэтому ход первой формации был мучительно долгим, и поэтому же выстроить какие-то четкие линии ее развития крайне сложно.

Движение вперед более заметно в общеформационном плане. Ведь в мезолите-неолите по сравнению с поздним палеолитом население планеты и ее заселенность значительно выросли, а количество крупных животных не только не увеличилось, а, напротив, уменьшилось в связи с переменами климата. Количество крупных животных сократилось. Следовательно, увеличилась степень приспособленности коллективов к таким обедненным условиям и степень охраны природы. Выросли также общая номенклатура орудий труда и их вариации, общий объем знаний и умений, специализация, количество используемых материалов и формы их использования.

Качественные изменения произошли также в способности поддерживать контакты на огромной территории, в формах, интенсивности и разнообразии этих контактов, в развитии некоторых социальных институтов, в способности коллективов и при распылении на большой площади сохраняться в качестве признаваемых и узнаваемых единиц (племен, родов, общин).

4.1.2. О начале первой формации в свете новых научных данных

На особенностях начальных этапов первой формации от зрелых мы основательно остановимся несколько дальше. Но прежде чем говорить о них, необходимо вернуться к

¹⁶ Так, например, «только во Франции в конце палеолита, в период маолена, появились полихромные росписи (в пещерах - Л. Г.) с применением красной, желтой и черной красок. Иногда с помощью цвета художники умели передать даже объем фигур. ... Но в последующие эпохи достижения мадленцев развития не получили. Мезолитические, неолитические и более поздние росписи - плоскостные и монохромные» (Формозов А. А. Наскальные изображения и их изучение. М.: Наука, 1987. С. 22—23). «Кроме росписей и гравировок, в палеолите были и барельефы, глиняные и каменные (Лоссель, Ла Мадален, Ле Рок). В мезолите и неолите их нет. Наскальные барельефы характерны уже для классового общества, для древнейших государств Египта и Передней Азии» (Там же. С. 79).

точке отсчета начала формации. Ведь проблема времени появления Homo sapiens отнюдь не решена, и здесь вопросов пока больше, чем ответов.

В настоящее время в западной (особенно американской) антропологии и археологии считается почти общепризнанным, что происхождение Homo sapiens гораздо древнее, чем предполагалось, и возраст человека разумного колеблется в диапазоне от 60 до 200 тыс. лет. Эти взгляды сначала базировались на результатах молекулярно-биологических исследований, а затем в Восточной и Южной Африке были обнаружены и стоянки, которые археологи приписывают древнему человеку разумному. Число подобных стоянок, правда, пока невелико. Эти раскопки, таким образом, делают местом появления человека разумного не Европу, а Африку. Результаты археологии по сравнению с молекулярной биологией несколько омолодили Homo sapiens и поместили его появление в диапазон от 60 до 130 тыс. лет, а в среднем 90 - 100 тыс. лет. В сноске я привожу несколько (из большого количества) публикаций по этой проблеме¹⁷.

Отечественные первобытники пока стоят на старой точке зрения, хотя каких-то ясных аргументов против активно не высказывают.

Ранее в предыдущей главе я уже объяснял, почему период антропогенеза непродуктивно включать в собственно исторический процесс, начало которого надо отсчитывать с условной даты 40 тыс. лет назад. Однако теперь представления о времени появления человека разумного изменилось. Признание этого хотя и не ведет к слишком существенным изменениям в моей теории, но по логике требует коррекции в характеристике этапов первой формации. Однако мне кажется, что можно принять точку зрения западных ученых и в то же время избежать такой коррекции, поскольку есть моменты, которые позволяют примирить разные датировки в одной концепции.

Дело в том, что хотя указанные выше находки генетически законно относят к Homo sapiens, есть очень большие и весьма обоснованные сомнения, насколько эти человеческие существа обладали и человеческими же общественным поведением и речью. В статье Констанс Холден «Не последнее слово о происхождении речи» проанализированы взгляды на то, обладали ли древнейшие из известных теперь людей разумных речью¹⁸. Очень многие считают, что хотя они «анатомически были готовы говорить более чем 150.000 лет назад (или соответственно амплитуде разных датировок от 60 до 200 тыс. лет назад — Л. Г.), но ясные свидетельства, что они обладали речью, не появляются в течение последующих 100000 лет»¹⁹. Иными словами археологически зафиксированные памятники (захоронения, следы искусства, жилища и т. п.), неоспоримо доказывающие существование речи, не появляются до известной даты - 40 тыс. лет назад. В то же время «все согласны, что 40000 лет назад речь существовала везде»²⁰.

К проблемам происхождения речи у нас будет еще возможность вернуться. Сейчас важно отметить другое. Позволю высказать следующее предположение. Мне кажется, что отсутствие речи в более далеком, чем 40 тыс. лет назад, периоде вполне

¹⁷ The Emergence of Modern Humans / by Christopher B. Stringer - Scientific American. - December 1990. P. 68-74.; Modern Humans in the Levant/ by Ofer Bar-Yosef and Bernard Vandermeersch - Scientific American. April. 1993. P. 94-100 Paabo S. The Y Chromosome and the Origin of All of Us (Men) /Science. Vol. 268 26 May 1995. P. 1141 - 1142; Gibbons A Y Chromosome Shows That Adam Was an African /Science' Vol. 278. 31 October 1997. P. 804-805; Holdcn C. No Last Word on Language Origins/ Science. Vol. 282. 20 Number 1998. P.1455-1458; Culotta E. A New Human Ancestor? / Scence. Vol. 284. 23 April 1999. P. 572-573; Ламберт Д. Доисторический человек Кембриджский путеводитель / Пер. с англ. Л.: Недра, 1991 С 180-183 Жданко А. Заметки о первобытной истории (современные данные палеоантропологии о возникновении homo sapiens) / Философия и общество. 1999 №5. С. 175-177.

¹⁸ Holdcn C. No Last Word on Language Origins. / Science. Vol. 282. 20 November 1998. P.1455-1458.

¹⁹ Ibidem. P.1455.

²⁰ Ibidem.

объяснимо с точки зрения эволюции, и этот очень важный момент логично заполняет разрыв между биологическим и социальным взрослением человека разумного²¹.

В самом деле, формирование анатомических способностей еще вовсе не означает, что люди сформировались и социально. Напротив, между тем и другим должен лежать длительный переходный период, когда биологические движущие силы постепенно уходят, а социальные приходят на их место, но пока преобладают какие-то во многом неясные для нас симбиотические отношения: уже не полностью биологические, но еще и далекие от социальных. При этом постепенно, но еще очень медленно возникает речь, формируются отдельные моменты и фрагменты общественного сознания и социального (в нашем понимании) поведения.

Следовательно, где-то в период 40 тыс. лет назад происходит перелом, связанный с тем, что появляется зачаточная система речи и вместе или следом за ней зачаточная система социального поведения. Появляется человек разумный *говорящий*.

Таким образом, неправильно считать, что появление анатомически сформированного человека разумного, речи и социальности, было одновременным процессом. Антропогенез сильно опережал социогенез. Ибо без речи, без чисто человеческих вербальных контактов общества в нашем понимании нет²².

Социогенез, по моему мнению, это уже процесс, относящийся к верхнему палеолиту, хотя истоки его, бесспорно, уходят в нижний палеолит²³. Поэтому, хотя вполне можно согласиться с И. Л. Андреевым, что формирование первобытной формации «совпадает с генезисом социальности вообще» и, «по существу это один и тот же процесс, поскольку становление первобытной формации означает прежде всего возникновение новых - социальных - отношений»²⁴, однако коренной вопрос: *когда же все-таки складывается первичная социальность?* - остается крайне дискуссионным. И его рассмотрению и посвящен во многом данный параграф.

Вышеизложенные факты, как думается мне, не только не противоречат, но, напротив, хорошо объясняют некоторые моменты моей концепции. Так, первая формация должна иметь какие-то важные особенности от остальных. И эти особенности - дополнительный, так сказать, подготовительный период, после завершения в главном антропогенеза и до появления речи, то есть связанный уже с накоплением изменений для начала процесса социогенеза. Он же является и особым переходным периодом от доформационного развития к формационному. Поэтому датировка точки, откуда можно начать отсчет именно формационного развития, 40 тыс. лет назад, а не сто или сто пятьдесят, вполне правомерна.

4.2. Общий взгляд на развитие первой формации и доэкономического типа отчуждения

4.2.1. О выделении этапов первой формации

Из книг о проблемах первобытности обычно крайне трудно понять ход социальной эволюции вплоть до рождения сельского хозяйства. И происходит это не в

²¹ Разумеется, опираться только на логику в таких вопросах нельзя, и если будут найдены доказательства обратного, с ними придется согласиться. Но когда гипотеза позволяет объяснить, что отсутствие каких-то фактов связано не с тем, что они еще не обнаружены, а с тем, что их просто и не должно быть, ситуация во многом проясняется.

²² Современные *Homo sapiens* предшествовали неандертальцам в некоторых местах, например в Палестине, где сапиенты жили без изменений 60 тысяч лет. При этом их орудийно-культурный уровень был значительно ниже, чем у людей нижнего палеолита. Биологи не могут объяснить почему затем произошла культурная революция (на границе нижнего и верхнего палеолита) (см.: *Modern Humans in the Levant/ by Ofer Bar-Yosef and Bernard Vandermeersch - Scientific American. April. 1993. P. 94*). Но если речи не было, а потом она появилась, тогда понятно, с чем связана культурная революция.

²³ И в этом отношении я присоединяюсь к мнению некоторых ученых, например А. К. Астафьева.

²⁴ Андреев И. Л. Ук. соч. С. 363.

последнюю очередь потому, что критерии стадийного развития не выработаны (а в большинстве случаев даже задачи такой не ставится²⁵). Но многие важные для первобытности проблемы без этого решить не удастся.

Сначала стоит напомнить условную периодизацию первой формации, которая давалась в предыдущей главе по охотничье-собираческому принципу производства. Первые два этапа можно соотнести с периодом до последнего ледникового (в Европе это ориньякская западная и восточная, пери-горская, селетская культуры), то есть от 40 тыс. до 23-20 тыс. лет назад. **Третий** - расцвета - этап можно связать с периодом последнего ледникового и максимального похолодания, то есть очень условно от 23-20 тыс. лет назад до 16 тыс. лет назад (в Европе это культура солютре, восточного граветта, культура рыболовов сальпетриер и другие). В течение этого и следующего **четвертого** (зрелости) этапа - примерно 16-13 тыс. лет назад - степень приспособления к изменяющимся природным условиям сильно возрастает (мадленская и другие культуры). Таким образом, зрелость первой формации наступает в конце палеолита, а высшие ее этапы относятся уже к мезолиту (13-12 тыс. лет назад).

Из этого следует, что жизнь людей в начале и середине позднего палеолита, то есть в интервале приблизительно 40-20 тыс. лет назад, и жизнь людей поздней первобытности (мезолит, неолит), а равно и соответствующих им этнографических народов была во многом похожа, но во многом должна была сильно отличаться. Установить степень сходства и отличия (именно в качественном, стадийном плане) — значит выяснить параметры такого сравнения и на этой базе показать процесс развития первой формации.

Однако при сравнении обществ позднего палеолита (если бы они были нам известны в достаточной мере), с одной стороны, и ряда охотничье-собираческих обществ мезолита-неолита и этнографических - с другой, не всегда вторые превосходили бы первые не только в отдельных областях (типа пещерной живописи), но даже и в целом. Длительная оседлость, определенное изобилие пищи, более или менее крупный размер общины и достаточное время для досуга могли способствовать сильному продвижению палеолитических социумов.

Сказанное будет яснее, если вспомнить, что при сопоставлении государств древности и средних веков не всегда более поздние предстают и более развитыми, как в отдельных направлениях, так и в целом. Сравните, например, древний Египет с Золотой Ордой, Русью и целым рядом подобных государств по уровню государственного управления, объемам прибавочного продукта и другим показателям, и сопоставление окажется в пользу Египта.

Следовательно, поскольку прямое сравнение обществ часто затруднено, указанные параметры должны носить формационный характер. О стадийных критериях развития охотничье-собираческого принципа производства шла речь раньше. В плане общественного развития важнейший критерий качественного превосходства более молодых (мезолитических и более поздних) обществ от верхнепалеолитических связан с усилением, расширением и усложнением контактов между социумами, их упрочением на определенном уровне, ростом обмена опытом и продукцией.

Таким образом, хотя степень автономности и изолированности коллективов продолжала оставаться высокой, она постепенно уменьшалась, а объемы группировок социумов, внутри которых контакты становились постоянными, увеличивались.

²⁵ Вообще проблема эволюции первобытной экономики, распределительных и социальных отношений «относится к числу наименее разработанных в этноэкономической литературе». А многие «современные зарубежные специалисты...вообще отказываются ставить вопрос о стадиях эволюции первобытных экономических отношений» (Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 15).

Следовательно, понять диалектику изменений в течение этой формации без учета сближения обществ не просто сложно, но и невозможно²⁶.

Сразу оговорюсь, что поскольку существует большое разнообразие форм коллективов даже у этнографических народов и нет никакой уверенности, что палеолитические социумы имели хотя бы известные науке формы, я буду в этом и следующем параграфе в отношении этих социумов чаще всего употреблять понятие «коллектив» и по возможности избегать употреблять такие термины, как род и родовая община.

4.2.2. Коллективизм и индивидуализм как тенденции развития в первобытности

С самого начала развития первой формации коллективизм выступает как одна из ее ведущих характеристик. Естественно, что на коллективизм (коммунизм, коммунализм и т. п.) первобытных людей всегда обращалось внимание.

Однако, во-первых, он в течение формации существенно меняет свои формы. Во-вторых, следует иметь в виду, что всегда имелась и другая тенденция - **индивидуализм**, которую можно рассматривать как оборотную сторону коллективизма. Обе тенденции всегда присутствовали в любое время и в любом обществе. Но в разных обстоятельствах, обществах и периодах могли иметь очень неравное значение.

Для малых коллективов, каковыми были древние орды, взаимоотношения коллектива и индивида (семьи) всегда были очень важными. И можно считать, что значение личности для этих обществ могло быть даже выше, чем для цивилизованных²⁷. Общественное мнение и роль коллектива наибольшим образом проявлялись в поддержании традиций и обычаев. Но в их изменении, отмене, замене, введении новых, напротив, сильнее должна была быть роль отдельных людей или групп, осознавших такую необходимость или потребность²⁸. Поэтому развитие коллективизма только частично шло в сторону ужесточения диктата общего над индивидуальным, а в значительной мере - в сторону все большего учета последнего.

В-третьих, коллективизм необходимо рассматривать расширительно: не просто как преобладание интересов коллектива над индивидуальными или взаимную поддержку членов коллектива, но и как определенный принцип и общую преобладающую направленность отношений между отдельными коллективами (что, естественно, не исключает ссор и конфликтов между ними). Иными словами, следует учитывать, что коллективизм распространяется не только внутри собственно базовых коллективов, но и далеко за их пределы. Но расширяясь, он одновременно существенно трансформировался и приобретал самые разные формы.

Поэтому развитие коллективизма для формации в целом можно представить в следующих линиях²⁹:

- Установление оптимального соотношения между положением, статусом и интересами индивидов и малых групп (семей), с одной стороны, и коллектива - с другой.
- Структурирование коллективов в самом разном плане:

²⁶ И часть спорных проблем, о которых у нас еще будет возможность поговорить в Дальнейшем (в том числе связанных с происхождением и сущностью рода, семьи, брака, общины и прочего), проистекает именно из недоучета внешнего фактора.

²⁷ В книге «История первобытного общества Эпоха первобытной родовой общины» подвергается сомнению вывод В. Бека, сделанный в книге «Индивидуум у австралийцев», «что утверждение о полном и исключительном коллективизме на первобытных ступенях односторонне и даже ложно» и что индивидуальных различий на самых ранних ступенях даже больше, чем на позднейших (ибо социальные группы мельче) (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986 С 545). Я думаю, что этот вывод достаточно актуален и для зрелых первобытных обществ, и еще более важен для описываемых ранних обществ.

²⁸ Поэтому наряду с консервативностью первобытных людей в их жизни «нет недостатка в проявлении оригинальности» (Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 63.

²⁹ Их развитие продолжалось еще и в период примитивного сельского хозяйства.

а) на малые группы и семьи, с учетом возможности соединения и рассоединения, приспособления к изменяющейся обстановке и т. п.;

б) на слои (по полу, возрасту, а иногда, особенно в поздние этапы, и по другим признакам: принадлежности к тайному обществу или линиджу, обладанию богатством, занимаемой должности);

в) по таким признакам, которые позволяют создавать прочные связи между коллективами (прежде всего родственная сеть, а также брачные секции, тотемические группы и прочее).

■ Установление все более объемных и сложных связей между коллективами в целом и их отдельными группами и индивидами, включая и распределительные (дележные, обменные, дарственные, кооперационные).

И в масштабах формации с развитием этих линий можно связать и развитие типа отчуждения, о чем будет речь в следующем параграфе.

4.3. Проблема формирования социальности

4.3.1. Постановка проблемы: соответствовала ли система регулирования отношений в коллективах людей нижнего палеолита культурному уровню социумов в начале верхнего палеолита?

Многие десятилетия ученые единодушно признают, что при переходе от нижнего к верхнему палеолиту произошел резкий перелом в культуре³⁰. «Между 40.000 и 45.000 лет назад материальная культура в западной Евразии изменилась больше, чем предшествующий миллион лет», - не без основания считают Офер Бар-Йозеф и Бернард Вандермирши³¹. И «этот расцвет технологического и художественного творчества означал появление первой культуры, которая с позиции сегодняшнего дня может быть оценена как действительно человеческая, характерная непрерывной выдумкой и вариациями»³².

Чем бы ни был вызван этот переворот: появлением человека разумного, как считалось не так давно, появлением речи, то есть человека говорящего, или чем-то еще, неизбежен вопрос: *мог ли этот перелом не повлечь за собой резких изменений в организации жизни?* Если ранее все регулировалось на уровне инстинкта, полуинстинкта или подсознания, как полагают некоторые, то достаточно ли было их для социума, обретшего речь? Если же и речь, и родовые отношения, и агамия и прочее были уже у палеонтропов, тогда в чем качественное отличие социальных отношений позднепалеолитического общества, то есть сапиентного, от досапиентного?

Тут следует добавить, что масштаб указанных перемен существенно запутывает проблема неандертальцев, которые как будто имели зачатки религии, искусства, возможно, счета и довольно развитые орудия труда. В ряде моментов (особенно орудиях труда) уровень неандертальцев и кроманьонцев существенно не отличается. И, если считать, что неандертальцы - это прямое звено в развитии человека разумного, тогда кажется вполне логичным, что социальность появилась до полной сапиентности.

Но в настоящий момент все популярнее идея, что неандертальцы и сапиенты развивались длительное время параллельно, что это разные ветви эволюции. Я также склоняюсь к ней, но считаю, что неандертальцы не просто боковая линия, но своего рода переростки. Иными словами, они существенно переросли исходный уровень появления

³⁰ «Археологические памятники, относящиеся к эпохе, непосредственно следующей за знакомыми нам культурами раннего палеолита, дают замечательную картину подъема всех областей культуры: техники, хозяйства, организации общества и идеологии» (Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М.: АН СССР, 1953. С. 27).

³¹ Modern Humans in the Levant/ by Ofer Bar-Yosef and Bernard Vandermeersch - Scientific American. April. 1993. P. 94

³² Ibidem.

человека разумного (но еще не говорящего). Поэтому и сопоставимы с кроманьонцами начала верхнего палеолита, и, возможно, даже, что последние кое-что и переняли у первых. Но то, что для неандертальцев было уже пределом, для кроманьонцев - только началом. И в этом коренная разница.

Но если неандертальцы не прямые предки кроманьонцев, следовательно, сапиенты Африки и Леванта, о которых шла речь выше (и которые, возможно, были предками людей современного физического типа), имели более низкий уровень, чем неандертальцы. **Значит, величина качественного перелома в начале верхнего палеолита становится еще более значительной и более ясной в некоторых моментах (особенно при сопоставлении системы производительных сил)³³.**

Итак, если указанная верхнепалеолитическая технологическая и культурная революция несомненна, то возникает вопрос: **выработалась ли основная система отношений уже в процессе антропогенеза, а потом она только в чем-то доводилась до зрелости? Или эта раннепалеолитическая система хотя и служила, так сказать, строительными лесами уже собственно человеческого общества в начале позднего палеолита, но постепенно заменялась социальными отношениями?**

Я склоняюсь ко второму.

4.3.2. Почему прежняя система не могла быть достаточной?

Что бы ни послужило причиной бурного развития в начале позднего палеолита, это было очень серьезное изменение, которое должно было повлечь за собой перемены и во всем остальном. Но я буду отталкиваться от предположения, что известный рубеж в 40-45 тыс. лет назад связан с появлением человека говорящего, точнее, с переходом от зачаточной речи к какой-то ее первичной системе, из которой и мог далее развиваться язык.

Появление речи должно было изменить всю общественную жизнь, включая и процессы распределения. Ведь когда основные контакты и отношения, совместная деятельность, воспитание потомства и т. д. проходят через словесные контакты - то есть основываются не на инстинктах, ощущениях и смутных представлениях-образах, а на коллективном сознании, - система социального регулирования не может остаться без коренных изменений. То, что годилось для людей без речи, не могло удовлетворить людей, у которых развивались религиозные, моральные, административные и иные установки.

В какой-то момент прежняя система становилась узкой, поскольку не предусматривала возможности столь бурной интеллектуальной, творческой, нормотворческой и прочей деятельности, а также не соответствовала новому темпу развития. Но поскольку эта система базировалась на иной (не вербальной) основе, она не могла быть просто перестроена, а непременно требовала замены (хотя и не сразу). К этому вынуждала уже одна только возможность передачи опыта не просто действием, но и словом³⁴.

4.3.3. Развитие проблемы: могла ли новая система отношений появиться быстро и сразу?

Формы отношений и механизмы их регулирования в течение антропогенеза нам неизвестны. Однако, вне сомнений, они носили еще во многом биологический характер.

³³ В сказанное хорошо вписывается и идея, высказанная в прошлой главе, что для начального этапа первой формации можно ввести понятие аналога производственной революции Обретение речи, а с ней и многого другого в начале верхнего палеолита как раз и можно считать аналогом производственной революции: разве не являлся сам человек тогда основной производительной силой?

³⁴ Представьте, могло ли не измениться общество, перешедшее в обязательном порядке и в широком масштабе от устной речи к письменной, от устного обозначения отношений к письменным договорам? Раньше или позже это меняет и резко усложняет все формы отношений. А ведь переход к письму - менее революционный шаг, чем переход к членораздельной речи.

Возможно, они выражались в виде доминирования физически более одаренных людей и соответствующей иерархии в коллективе, инстинктов и полуинстинктов, закрепления определенных правил на уровне еще подсознания, животного подражательства и т. п.

Формирование адекватного появившемуся интеллекту и речи человека общественного сознания означало, как уже сказано, что биологические регуляторы должны были замениться словесными, идеологическими в виде общепринятых образцов, обычаев, традиций, убеждений - словом, в виде того, что и создает уже собственно социальность.

Однако вновь возникает вопрос: *могло ли это произойти повсеместно, быстро и комплексно (то есть так, что в каждом коллективе должен был появиться достаточный набор таких социальных регуляторов, правил и убеждений)*? Из литературы обычно вырисовывается утвердительный ответ. Авторы считают, что уже с момента появления человека разумного (а многие, что и задолго до этого) определенная социальная система регулирования отношений имела в наличии. Но убедительных доводов в пользу этого не приводится.

Обычно речь идет о том, что коллектив подчинял личность с помощью достаточно непререкаемых правил, обычаев и т. п. И действительно, так было очень часто. Но только подобная система - это уже признак достаточной зрелости развития, то есть уже не ранних этапов, о которых сейчас разговор. А как вообще такая система появилась в крошечных коллективах? Если инстинкт коллективизма и подчинения незаметно перерастал в социальные регуляторы, как считают некоторые, то как мог инстинкт помочь выработке совершенно нового: религии, искусства, сложных форм обрядности и прочего? Ведь инстинкт — это нечто очень консервативное, жесткое, что не перестроить.

Следовательно, стоит только отойти от общепринятых догм и задуматься, как возникает масса вопросов. Я же считаю, что **между тем, что было в нижнем палеолите, и тем, что наблюдается у этнографических народов, во-первых, нет прямой связи и преемственности, а есть принципиальные отличия; во-вторых, между этими полюсами лежит длительная эпоха формирования социальности. Причем ранние формы социальности сильно непохожи на поздние.**

Какое-то время в начале первой формации используются еще старые механизмы, но они постепенно заменяются. Выработка новой системы отношений была непростым и долгим процессом. Кто знает, например, сколько времени потребовалось на создание каких-то обобщающих слов, понятий, сколько времени ушло на то, чтобы язык приобрел хоть какую-то систему, объем, возможность выразить не только простое действие? Несомненно, очень много³⁵.

Итак, если же мы принимаем идею, что с начала верхнего палеолита начался процесс замены старых полубиологических регуляторов на социальные, что неизбежно вело к весьма сильным переменам, тогда нужно и определить, в чем именно были эти перемены, а также - каковы движущие силы и этапы таких перемен. Ибо социального плана коллективизм не был данностью, и путь даже к его первичной системе не был прямым.

4.3.4. Путь к социальности через период интеллектуального лидерства

Нельзя сказать, что важность проблемы происхождения социального регулирования не осознается. Но, во-первых, запутывают дело представления о том, что

³⁵ По мнению Поршнева, вторая сигнальная система развивалась очень, очень долго. Сначала она управляла лишь некоторыми действиями, затем «целыми цепями действий, вторгаясь там и тут в поведение ранних людей. Она отвоевала все более обширные поля у первосигнальной детерминации поведения. А неизменно позже она приобрела знаковую функцию, слова и системы слов стали нечто означать и значить, в том числе «заменять», первосигнальные раздражители» (Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. С. 414).

возникли первичные нормы задолго до верхнего палеолита, хотя это не подтверждается фактами. Во-вторых, многим ученым кажется, что хотя конкретные механизмы и неизвестны, но общеэволюционные причины совершенно ясны.

«Особняком стоит и требует специальной трактовки чрезвычайно важный вопрос о возникновении и обусловленности социальных норм поведения, которые в первобытном обществе выступают чаще как традиционные обязательные обычаи, ограничения и запреты и которые осмысливаются зачастую как предписания, исходящие от сверхъестественных существ и подкрепленные религиозно-магической санкцией. Каково реальное происхождение этих норм, этих предписаний и запретов? Какова действительная роль религиозных представлений в их возникновении и закреплении?.. И какова, наконец, первичная основа социально-моральных норм в первобытную эпоху?»³⁶

Далее идет ответ на вопрос, почему возникли эти нормы. «Возникли они потому, что не могло бы и дня просуществовать какое-то человеческое общество, члены которого не подчинялись бы в своем поведении никаким общеобязательным регулирующим правилам»³⁷. Ответ этот совершенно неудовлетворителен, так как он не объясняет принципиальной разницы между нижне- и верхнепалеолитическими обществами и фактически предполагает, что различия накапливались настолько постепенно, что нижнепалеолитическая традиция как бы и не прерывалась³⁸.

Разумеется, будь то стадо, будь то общество, у них должны быть какие-то регуляторы. И в этом плане вакуума не бывает. Регуляторы имелись и в период антропогенеза, и после. Но нижнепалеолитическая традиция развития механизмов регулирования была прервана, поскольку на рубеже верхнего палеолита по неясным еще причинам произошел переворот в жизни и общественном сознании.

Отсюда вопрос, можно ли хоть гипотетично реконструировать сам процесс такой перестройки сознания и его движущие силы? В какой-то мере это возможно. Я бы хотел предложить следующую гипотезу. Она основывается на идее, **что начальные этапы первой формации — это еще не эпоха господства традиций и обычаев, какой она предстает позже, это эпоха создания первичной системы традиций, обычаев, верований, языка, культуры, искусства, морали и прочего.** А потому более свободный для социального творчества период.

Но как вообще появляются новые идеи? Может ли сразу весь коллектив прийти к ним? Полагаю, это невозможно. Одна и та же мысль не рождается сразу у всех, а только у некоторых. Индивидуум или небольшая группа могут отозваться на насущную общую потребность рождением чего-то небывалого, и это иногда социумом принимается, если оно созвучно и приемлемо для многих.

Сказанное означает, что в создании первичной социальности очень важную роль играли люди, имеющие большие, чем другие, интеллектуальные и творческие способности и возможности. Раз обществу Homo sapiens уже было присуще творчество, значит, в нем появлялись люди, стремящиеся таким - интеллектуальным - образом проявить себя, обратить на себя внимание, заставить других подчиняться их авторитету.

Будем условно называть таких людей **лидерами**, а сам период выделения определенного числа выдающихся в том или ином плане людей, которые сделали особо значительный вклад в формирование новой социальности, **периодом «интеллектуального лидерства».** В формационном плане он соотносится с первым и частично вторым этапами формации.

Иногда такие лидеры становились и фактическими вожаками на какой-то сложный период жизни, а то и надолго. Но, вероятно, чаще они имели только большой

³⁶ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 543 – 544.

³⁷ Там же.

³⁸ Сравни, например: «В марксистской литературе первичная социальность обычно связывается с формированием стада переходных существ и последующим развитием рода общины» (Андреев И.Л. Ук. Соч. С. 372 – 373).

престиж и лишь иногда использовали его для регулирования. Однако в любом случае - если не думать, будто новые идеи сразу и спонтанно приходят в голову всему коллективу - принять нечто новое от человека выдающегося и уже признанного как лидера и «законодателя» (да еще способного навязать свою волю) социуму было существенно легче, чем иным способом.

Таким образом, в плане движущих сил и механизмов выработки новой социальности появление лидеров, их соперничество, различные комбинации отношений в коллективах многое способны объяснить. Ведь если бы сразу существовала жесткая регулятивная система, она не дала бы возможности для развития. И, вероятно, там, где она имелась, развитие останавливалось. Напротив, там, где появлялись неформальные лидеры, в той или иной мере создававшие новое сознание, опираясь, естественно, на весь предшествующий интеллектуальный опыт, коллективы достигали каких-то высот.

Само собой, что речь не идет о том, что существовали только гениальные демиурги и инертная масса. Основную лепту в развитие общества все равно всегда вносит большинство, хотя бы уже тем, что если принимает новое, то переносит его в практическую жизнь, а это значит, дает ему форму, видовое разнообразие, развивает до какого-то уровня. К тому же масса разнообразных новшеств вносится и са-мыми обычными людьми. С другой стороны, уровень самих лидеров был очень разный, большинство из них лишь ненамного превосходило сородичей.

Однако несомненно, что время от времени то в одном, то в другом социуме появлялись и выдающиеся люди, вклад которых в развитие был очень заметным, оставлял за собой след надолго, в целом их деятельность могла существенно менять лицо социума, а часто и многих контактирующих с ним общин.

Разумеется, в малых коллективах интеллектуальное лидерство не могло быть представлено во всей совокупности. Даже появление одного неординарного лидера могло не иметь места вообще или длительное время. Ведь рождение человека с определенными способностями (да еще в относительно замкнутой группе) — довольно редкое явление. Значит, даже чисто естественные причины сдерживали развитие. Но во многих коллективах в совокупности имелись лидеры разного типа. Объединяло их то, что это были интеллектуалы, творцы, создатели нового общественного сознания: с даром внушения, могучей волей, особой памятью, способностью к выдумке, познанию окружающей природы, какому-то осмыслению мира.

4.4. Механизмы формирования социальности

4.4.1. Выделение лидеров и процесс выработки социальных отношений.

Характеристика первичных коллективов

Начало формации представляет переход от досоциальных (частично социальных) к примитивным, но уже социальным отношениям. Они должны быть в чем-то похожи, а в чем-то непохожи³⁹. При этом некоторые новые моменты в чем-то резко, заметно отличаются от старых, а другие новшества часто облачаются в старую форму. Уловить первичную грань перехода очень сложно. Но чем далее развивается общество, тем менее похожи отношения, хотя какое-то сходство всегда остается, поскольку схож вид занятий.

Похожесть могла быть в системе доминирования. Оно, как известно, есть и у приматов и могло быть у архантропов и палеонтропов⁴⁰. Постепенно оно приобретало некоторые социальные черты, переходя в выделение более сильных и одаренных чем-

³⁹ Относительно отличий можно привести цитату Поршнева: «У порога истории мы находим не «надбавку» к первой сигнальной системе, а средство парирования и торможения ее импульсов» (Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. С 414).

⁴⁰ Стоит напомнить, что стремление к доминированию и к лидерству у какого-то числа особей есть всегда, равно как у какого-то числа особей есть привычка (или стремление) к подчинению.

либо мужчин (доминирование, впрочем, могло быть и среди женщин). Возможно, что ближе к концу нижнего палеолита доминирование стало переходить в лидерство наиболее талантливых охотников, игравших, так сказать, первую скрипку в коллективной охоте (самых быстрых, хитрых, лучше других понимающих повадки зверей, с лучшей реакцией и т. п.). Это были уже иные, чем у гоминид качества, однако лидерство все-таки имело еще полубиологический характер. Оно постепенно перерастало в лидерство, которое определялось уже интеллектуальным превосходством.

Не исключено, что и само появление речи было связано с выделением более умных людей, с потребностью повлиять на сородичей, поскольку слово становилось способом воздействия на других, важным фактором доминирования. Тут стоит сослаться на интересные мысли Поршнева о первоначальных функциях речи. Он считал, что «речь возникла прежде всего как проявление и средство формирующихся общественных отношений: средство людей воздействовать на поведение в отношении друг друга», «особый род влияния одного индивида на действия другого», что слово появилось «как фактор управления поведением»⁴¹.

Такой подход удачно объясняет и первоначальный перелом в конце нижнего палеолита, связанный с изменениями в характеристиках лидеров-доминантов, с изменением набора качеств, которые стали требоваться для подобной роли. Лидерство интеллектуального плана начинало заменять лидерство самых одаренных физически (не только самых сильных). И вместе с появлением речи, зачатков общественного сознания при необходимости жить совместно это дало толчок развитию социальности.

Дальнейшему ее развитию сильно способствовало то, что пищи было достаточно и конкуренция за нее была слабой. К тому же, благодаря оседлости, имелся значительный досуг. Все это создавало условия для формирования новых потребностей. Например, лидеры, которые ощущали в себе творческие возможности, нуждались в благодарной аудитории, восхищающейся их талантом. И поэтому вокруг них группировались менее выдающиеся, более слабые члены группы, но необходимые для создания атмосферы престижа и при-знания. В свою очередь, рядовые члены коллектива начинали нуждаться не только в пище, но и в «зрелищах».

Сказанное, конечно, не означает, что лидеры физического типа исчезли. Физически сильные люди всегда ценились. Впрочем, весьма возможно и соединение в одном лице физического и умственного превосходства. Но в целом роль лидеров «силы» снижалась, а интеллектуалов повышалась⁴².

Итак, появились люди, которые вносили особый вклад в создание новой системы социальности и общественного сознания⁴³. Это, конечно же, лидеры духовного, религиозного плана. Этнографией зафиксировано много фактов появления таких «пророков» у народов поздней первобытности. Я думаю, что их роль была важной в создании первичной религии. Это также хранители опыта, которые играли роль третейских судей, могли дать совет, выразить общее мнение, объявить, как поступить в сложной ситуации⁴⁴.

⁴¹ Поршнева Б. Ф. Ук. соч. С. 403, 408, 407. Подобных взглядов придерживается и А. П. Поцелуевский, который писал: «Слово-монолит являлось выразителем не суждения, но воли или желания говорящего.. .» (Пит по: Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. С. 213).

⁴² Надо учитывать, что лидер силы, хотя и мог внушать страх или действовать с помощью угроз, в позитивном плане объединить коллектив не мог, а интеллектуальный лидер мог. К тому же страх, который внушал силач, был гораздо меньше того, что внушал человек, овладевший какими-то непонятными другим возможностями. Если он лучше других знал свойства ядовитых растений или животных, разве он не мог этим внушить страх другим? Если он открывал свойства наркотических растений, разве он не мог этим пользоваться?

⁴³ В формационном масштабе можно говорить в этом плане даже о слое людей, подобно тому как говорят о слое колдунов или вождей, хотя в каждом обществе они были представлены часто в единственном числе, а то и вовсе отсутствовали.

⁴⁴ Поскольку такие люди были уже в возрасте, естественно, что с ростом их престижа укреплялось и положение стариков в целом.

Это люди, искусные в изготовлении оружия, каких-то украшений, особых предметов и талисманов, художники и артисты. Это «ораторы» (они ценились у многих народов, и вполне вероятно, что их выделение началось уже с момента, когда речь стала главной формой общения). Лидерами могли быть и женщины, например, овладевшие какими-то секретами лечения, лекарственных растений, помогающие при родах и т. п.⁴⁵

Конечно, интеллект и мастерство этих людей росли вместе с развитием коллективов. Знания и умения, словарный запас и новые приемы накапливались медленно. Поэтому в начале верхнего палеолита достижения лидеров были весьма скромными и часто не обнаруживаемыми археологически. Тем более, если ведущей ареной деятельности было развитие языка. Только через очень длительное время появляются мастера (а кое-где и своего рода традиция, школа), произведения которых достигают совершенства. Это относится не только к искусству (просто оно сохранилось), но и ко всему спектру деятельности, включая социальную, нормотворческую, мифотворческую и иную.

4.4.2. Лидеры и коллективы

Первичные коллективы были слабо структурированы. Возможно, они напоминали хозяйственную или целевую группу. Скорее всего, они состояли из неустойчивых семейных пар (или полигамных семей) и однополых группок более близких между собой людей (друзей, ровесников и т. п.). Необходимость совместной охоты и защиты, привычка к объединению и различные связи крепко держали их вместе. Но отношения родства, а также единства коллектива еще слабо осмыслились идеологически.

Отношения внутри коллективов, вероятно, не были столь же коллективистскими, как это наблюдалось во многих более развитых обществах первобытности. В частности, могло отсутствовать уважение к старикам, забота о них. В условиях временной нехватки они, по-видимому, страдали больше всех.

Не были формализованы и правила раздела, так как техника и природные условия еще не позволяли охотиться индивидуально. Следовательно, не было и охотничьих долей. Поэтому выигрывали те, кто мог съесть больше (а в этнографии зафиксированы факты поразительных возможностей отдельных индивидов, которые съедали по 10-15 кг жареного мяса за один присест). Как говорится, кто смел, тот и съел. Какие-то правила, конечно, могли складываться с учетом того, что не всегда люди шли к добыче, а часто ее нужно было нести в стойбище. Надо было также как-то учитывать доли тех, кого не было или кто не мог прийти к разделу.

По сути, это были своего рода группово-коллективистские отношения. Если коллектив был предельным объединением, то он не мог быть слишком сплоченным. Такая крепость достигается только тогда, когда есть достаточно развитые отношения с другими коллективами, когда действует классическая формула: мы и они.

Институционального баланса между коллективом (группой) и личностью долго не было, возрастные группы пока не приобрели четкого статуса. Этого еще и не требовалось. Такая институционализация появилась много позже, когда выработались брачно-семейные правила. Коллектив состоял из отдельных группок, члены которых спланивались либо по взаимному влечению, либо по тяготению к более сильной личности.

Появление вышеуказанных лидеров могло на определенное время усилить неоднородность общины, вносить в нее элементы соперничества и конкуренции за престиж и сторонников. Но в конечном счете, как мы увидим дальше, это вело к укреплению коллективов.

⁴⁵ Во всяком случае, в некоторых общинах (например в Костенках) женщины стали объектом искусства.

Вариации лидерства могли быть различны: от отсутствия лидеров вообще до единственного, от нескольких конкурирующих между собой до, напротив, образующих своего рода олигархию.

Хотя жизнь этих людей и была бедна событиями по сравнению с современностью, но нет ничего удивительного в том, что и там порой кипели страсти, была своя «политика», свои «реформаторы» и «консерваторы»⁴⁶. Но, разумеется, было множество коллективов, где царили тишь и гладь, где какие-то еще не вполне социальные установки поддерживали порядок. Однако такие коллективы и не развивались далее.

Соперничество лидеров вело:

а) к более мягкому отношению в малых группах, к определенной зависимости лидеров от аутсайдеров. Сильные должны были заботиться, чтобы их слабых сторонников не обижали, а также чтобы эти сторонники не перешли на сторону соперника. Отсюда формировались определенные дружеские правила в более узкой группе, которые потом могли переноситься и на весь коллектив;

б) к попыткам решать споры путем переговоров или общих соглашений, что также могло вести к выработке обычаев и прецедентов, которые потом или сразу оформлялись идеологически. Вообще надо полагать, что чрезмерное соперничество настолько вредило коллективным интересам, что на лидеров в конечном счете начинали давить и понуждать их к компромиссам, либо они сами приходили к такой идее;

в) лидеры стремились что-то выдумать, равно как и члены их групп, чтобы обеспечить преобладание, перетянуть на свою сторону колеблющихся и т. п. Важно также, что лидерам подражали, а подражание, как известно, очень важная движущая сила.

Наиболее выдающийся лидер мог на какое-то время сплачивать весь коллектив. Обладая авторитетом и харизмой, внушая страх своими способностями, он был заинтересован в укреплении такой ситуации, когда остальные должны были быть ниже его. Сделать это проще всего было, используя правило «разделяй и властвуй», в данном случае разбив людей на возрастные группы с определенными правами. Такой цели также могли способствовать какие-то коллективистские правила, запрет конфликтов, справедливое распределение каких-то дефицитных или особых благ, забота о ком-либо и т. п. Все это могло входить в норму или запоминаться и закрепляться.

Смерть, смена, изгнание или ослабление лидеров вели к изменению баланса сил в коллективе, что иногда для него было хорошо, а иной раз - плохо. Но в любом случае появлялись разнообразные вариации, наиболее удачные из которых высеивались и становились ведущими. Однако по мере накопления опыта и усиления контактов между коллективами «роль личности» постепенно уменьшалась, а многие проблемы и трения решались уже почти в автоматическом режиме. Этому способствовали и мощные объективные причины.

4.4.3. Общие причины формирования коллективизма

При всей важности роли отдельных людей в формировании социальности, коллективизму нового плана объективно способствовали, во-первых, то, что тяга к коллективизму лежала в биологической природе людей, во-вторых, общие природные и хозяйственные условия. На начальных этапах магистральным или наиболее типичным способом охоты была коллективная охота, что, естественно, способствовало укреплению

⁴⁶ В некоторых случаях следы такого «реформаторства» подтверждаются и археологически. Например, «известны памятники с более быстрой сменой типов каменных орудий. Так, в развитии перигордийской культуры во Франции за период от 22 тыс. до 18 тыс. лет назад выделяют шесть или даже семь этапов, каждый из которых заметно отличается от последующего и предыдущего набором каменных орудий» (Григорьев Г. П. Культура первобытного общества и природная среда / Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. К VIII Конгрессу INQUA. М.: Наука, 1969. С. 213).

коллективизма во всем остальном. А если добыча была хорошей целые эпохи, то равнообеспечивающие тенденции и правила распределения должны были укорениться. Объемы охоты были иногда очень велики. Есть данные о многих стоянках, где найдены кости тысяч крупных и средних животных⁴⁷. Очень часто пища не проедалась и портилась.

Таким образом, *обильная добыча и связанные с этим коллективистские формы распределения пищи помогли заложить предпосылки доэкономического типа отчуждения*. Это позволяло коллективу воспроизводить условия жизни, выживать в случае возникновения экстремальных ситуаций, а также поддерживать менее сильных, одновременно достаточно эффективно используя умения более энергичных членов коллектива.

Этому длительное время способствовала природная среда и способы охоты людей, так как в одиночку с тогдашними орудиями могли жить только единицы. Но главное, коллективизм оказался эволюционно более перспективным, так как более крупные и (или) сплоченные коллективы имели существенные преимущества в выживании и отстаивании своих интересов, и большие возможности развития.

Голодовки, неудачи, изменения в природной среде и прочее должны были у одних выявить слабость коллективизма и обречь их на исчезновение (в прямом смысле или в виде исчезновения самих общин), у других укрепить эти начала, придать им институционализированные формы, поскольку для большей выживаемости и устойчивости требовалась система, которая, безусловно, заставляла бы людей подчиняться, уменьшала трения и т. п.

4.4.4. Трансформация системы неформального лидерства

Помимо вышеуказанных хозяйственных были и иные причины возникновения более совершенной системы регулирования. Неформальное лидерство всегда держится на личных данных и авторитете лидера, которые в любой момент могут быть оспорены. Следовательно, такая система подвержена колебаниям в связи с различными случайными обстоятельствами, особенно в случае смерти лидера. Поэтому, по мере того как лидерство выполняло свою переходную задачу, по мере того как складывалась какая-то первичная регулятивная социальная система, импульс к «реформаторству» тормозился, ибо те ситуации, в которые лидер не мог, не хотел, не имел возможности вмешиваться, регулировались по аналогии, по установленным уважаемыми людьми правилам и т. п.

Кроме того, чем большее влияние приобретал лидер, тем больше было у него забот и ответственности (прав же оказывалось не столь много, чтобы компенсировать их). Выделяясь в одной области, он неизбежно становился ответственным и за многое другое, в чем он мог быть и не силен. Роль его напоминала должность у некоторых народов, которая называлась «тот, кто думает за всех». При этом любая неудача становилась его виной.

Но отказ от руководства означал падение авторитета. Следовательно, практичнее было распределить ответственность, и постепенно ее стали перелagать на некие нерушимые правила и установки. Особенно это необходимо было тому, кто приходил на смену выдающемуся руководителю. Быть равным ему оказывалось нереальным, но можно было освящать действия, его авторитетом, который приобретал статус чего-то

⁴⁷ «Например, во Франции в Солютре у скалы, к которой загонялись стада диких лошадей, были обнаружены остатки 50-100 тыс. этих животных» (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 192).

неоспоримого⁴⁸. Но коль скоро такие установки становились непререкаемы, их нельзя уже было нарушать никому. Поэтому далее они начинали действовать сами по себе.

И в результате разнообразные системы личных отношений и лидерства (от единоличного «правления» до безвластия, от жесткого соперничества до системы «сдержек и противовесов», от попыток опереться на мнение остальных в борьбе с «конкурентами» до «олигархии») в конечном счете вели к системе господства коллектива⁴⁹. В классическом виде оно осуществлялось поддержанием безусловных и сверхъестественного происхождения правил, установок, обрядов. Чаще всего власть традиции была не персонифицирована, а анонимна, и фактически руководство передавалось в руки определенной группы лиц с более высоким статусом, которая действовала путем, так сказать, инициативы снизу, реагируя на те или иные отклонения⁵⁰.

Однако путь к такому классическому типу был небыстрый, и на нем появлялись самые разнообразные вариации безусловного и условного, традиционного и реформаторского. Впрочем, и в эпоху господства коллектива социальное творчество и изменения встречались совсем не так редко.

Коллективизм, как уже было сказано, эволюционно оказался самым перспективным путем развития. Но наиболее адекватен он был именно в форме строгих и непререкаемых правил, изменить которые оказывалось трудно. Впрочем, поскольку эти правила проверялись и упрочивались весьма долгое время, поскольку за ними стоял большой опыт, простое их изменение было опасным. Установление четких правил — это также возможность более надежного отпочкования коллективов, расселения людей, поскольку надеяться только на руководителя оказывалось рискованным.

Коллективизм, как сказано, развивался путем установления регулярных контактов со все большим числом коллективов. А это тем более требовало институционализации правил и обычаев.

4.5. 2-й этап. Расширение контактов между обществами

4.5.1. Расширение зоны формации. Формирование незрелого основного противоречия формации

В начале формации новые отношения еще очень однобоки и в целом для формации, и в еще большей степени в каждом отдельном обществе. Лишь много позже (уже к зрелости) формационные отношения и в отдельных социальных организмах приобретают достаточно системный вид. Сказанное тем более касается начала первой формации, где и общества были крохотные, и контакты между ними нерегулярные. Естественно, что никакой объемной системы социальных отношений в них еще не было. Эта однобокость тем не менее постепенно устранялась, во-первых, накоплением достижений в отдельных обществах, во-вторых, усилением контактов между ними. Такие контакты готовили расширение базы формации.

Коллективизм длительное время еще был очень узок, он ограничивался в основном своим небольшим коллективом. Однако это были слишком тесные рамки.

⁴⁸ Тут следует сказать, что, естественно, из-за слабости и самого сознания, и исторической памяти действия каких-то реформаторов неизбежно облекались в мифологические или иные фантастические формы, а какие-то установления, введенные вполне в конкретной обстановке, получали статус рождения от сверхъестественных сил и все это при пересказе постоянно обволакивалось новыми дополнениями и искажениями. Однако наличие культурных героев у охотников-собираетелей разных континентов частично может быть объяснено и какими-то смутными воспоминаниями о вполне реальных вещах.

⁴⁹ Например, если какая-то часть более уважаемых людей приобретала некий статус, то она уже начинала ограничивать лидера, в том числе и тем, что он теперь обычно выдвигался из этой группы.

⁵⁰ Но иногда появлялись должности формального (но не слишком авторитарного) Руководства. Однако в этом случае уже не лидер формирует общество, а, напротив, - власть лидера становится властью коллектива, которая выступает как «внутренняя Удельная сила подчинения воли индивида воле коллектива» (С. С. Батенин. Цит. по: Андреев И. Л. Ук. соч. С. 391).

Сказанное означает, что на втором этапе складывается незрелое основное противоречие, которое формулируется как *противоречие между коллективизмом внутри социумов и отсутствием такового между ними*. Поэтому новые отношения стали стремиться к расширению, и там, где возникала достаточная плотность коллективов, появлялись и новые социальные контакты. В то же время усиление контактов между коллективами существенно укрепило коллективизм внутри каждого из них, а также зародило представление о хозяйственной территории отдельной общины, правилах их определения и охраны.

Мы уже говорили, что величина общественных единиц растет от формации к формации. Следовательно, уровень, который для переходного состояния является надобщественным, в зрелой формации станет уже нормой для отдельного общества. Само собой, что расширение объема действия нового порядка может быть только до определенных пределов, которые связаны с возможностями принципа производства и других моментов формации. Но в любом случае размеры пространственно-временных группировок в первой формации были во много раз больше, чем небольшие общины древних людей. Из этнографии известно, что соплеменности охватывали иной раз десятки тысяч квадратных километров и тысячи людей. Нужно было иметь определенный арсенал правил для поддержания контактов в таком объеме, и это вырабатывалось длительное время.

Возвращаясь к мысли о том, что и в палеолите многие общества дорастали до высокого уровня, можно сказать, что в какой-то мере это напоминало ситуацию во второй формации. Например, во втором тыс. до н. э. зона формации уже складывается в весьма больших регионах. Внутри нее идет бурная межобщественная жизнь, в некоторых отношениях эти древние цивилизации достигают выдающихся успехов. Но хотя эти общества и имеют высокий уровень, формация в Целом еще не достигла зрелости. Нужно еще больше объема, вариантов, размаха. И на это требуется еще целая эпоха античности и соответствующий период в Индии и Китае⁵¹.

Также и верхнепалеолитические общества могли не только достигать определенной зрелости, но и образовывать довольно большие пространственно-временные группировки со сложными отношениями внутри них⁵¹. Но формация еще не набрала нужного объема, поэтому развитие идет циклично, отмиранием, перерождением, деградацией ряда вариантов. Следовательно, когда мы говорим о первом, втором или третьем этапах формации, надо иметь в виду, что отдельные общества в это время могли стоять уже на этапах, аналогичных третьему-четвертому, а то и пятому. Если период 17 тыс. лет назад - по моей периодизации - это только третий этап формации, то, по-видимому, общество, существовавшее в Ком-Омбо в Египте (южнее Асуанской плотины) 17 тыс. лет назад, стояло на этапе, аналогичном пятому⁵².

Естественно, что эти вырвавшиеся вперед, но затем оставившиеся или исчезнувшие общества могли иметь большие отличия от любых этнографически известных.

⁵¹ Свидетельство тому — археологические факты. Например, морские раковины с берегов Средиземного моря обнаружены в верхнепалеолитических стоянках Германии, черноморские раковины - в Мезенском поселении на Десне за 600 км от моря. И. т. д. (см.: Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. М.: Наука, 1987. С. 170-171). Археологические культуры верхнего палеолита были весьма обширны и во много раз превосходили «археологические культуры среднего палеолита», то есть мустьерские (см.: Григорьев Г. П. Культура первобытного общества и природная среда. С. 214).

⁵² Население района Ком-Омбо насчитывало не менее 250 человек при одной из самых высоких плотностей населения верхнего палеолита 1 человек на 2,6 км в кв. Люди здесь, по-видимому, были одними из первых, кто в довольно широких масштабах практиковал сбор дикорастущих злаковых. Для жатвы использовались каменные серпы, а зерно растиралось на массивных каменных зернотерках (см.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 185).

4.5.2. *Формы установления контактов между коллективами*

Хотя и очень медленно, но первобытное население росло. Отпочковывались новые коллективы. В благоприятные для охоты места приходили и мигранты. Таким образом, в определенный момент в некоторых районах могли усиливаться контакты между коллективами. То, что в период расцвета позднего палеолита контакты в отдельных местах могли быть достаточно плотными, подтверждается и археологическими фактами⁵³.

Взаимоотношения между коллективами могли быть самыми разными (добрососедские, безразличные, враждебные). Но в целом для первой формации институционализация кровавых конфликтов нехарактерна. Дело, конечно, не в гуманизме дикарей, а в том, что для войн не было ни демографических, ни экономических условий. Мир, даже худой, чаще был много лучше доброй ссоры. Поэтому в большинстве случаев налаживались мирные отношения, а столкновения индивидов способствовали выработке форм улаживания таких конфликтов.

Если более сильные (в разном смысле) коллективы чувствовали себя увереннее, то так или иначе должно было появиться и стремление усилиться. Правило: хочешь мира - готовься к войне - было справедливым во все времена. Для усиления коллективов имелись две главные возможности. Первая - увеличивать число членов, например, запретом разделяться, насильственным включением в состав других групп, привлечением иноплеменников. Но тут были естественные ограничения, связанные с возможностью плотного проживания, так как ресурсы были небезграничны; могли также возникать ссоры и конфликты между разнородными частями коллектива.

Вторая возможность укрепления коллективов заключалась в установлении между ними положительных связей, особенно между культурно-этнически близкими группами (например, в виде союзов, побратимств).

Чем больше было у коллектива партнеров, тем стабильнее была бы его жизнь, поскольку тут появлялись выгоды: в совместных охотах и действиях, в обмене, в использовании охотничьих угодий, во взаимопомощи и страховке. Налаживание связей тем самым становилось экономически важным. Пути для этого были разные.

Но наиболее оптимальным, стабильным и верным способом оказался обмен женщинами и вообще половыми партнерами⁵⁴. «Обмен женщинами и обмен пищей являются способами обеспечить реципрокную пригонку социальных групп либо сделать ее явной», - говорил Клод Леви-Строс⁵⁵. И думаю, что это справедливо не только для поздней первобытности, но и для ранней, просто в поздней этот обмен приобретает больший размах и четкие правила.

Это был исключительно плодотворный путь. Он открывал возможность перехода к зрелости формации и типа отчуждения, так как, с одной стороны, сплачивал базовый коллектив, а с другой - формировал на прочной основе крупные сообщества людей. К

⁵³ Например, на правом берегу Дона в пределах селений Костенки, Александрова и Боршево на площади всего 8 кв. км. известны (данные конца 60-х годов, а к разведке было намечено еще 12 мест) остатки 52 позднепалеолитических поселений, с учетом многослойности стоянок приуроченных к 24 населенным пунктам (см.: Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения на среднем Дону / Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. К VIII Конгрессу INQUA С. 76). «Сколько поселений могло существовать одновременно в балках Костенковско-Боршевского района в раннюю пору позднего палеолита?» - спрашивают авторы. И отвечают, что вполне возможно, что все культурные слои, приуроченные к одной из двух толщ (нижней или верхней гумусированных толщ) могли быть синхронными (Там же. С. 83). То есть в любом случае значительная или основная часть из указанных 24 пунктов

⁵⁴ О проблемах появления агамии (экзогамии), брака и родственных отношений пойдет речь в других главах. Здесь же достаточно сказать, что, по моему мнению агамия устанавливалась (причем далеко не сразу) под воздействием ряда причин, но особенно в результате расширения брачных контактов между коллективами постепенного сужения их внутри коллектива, вплоть до полного запрета браков между его членами.

⁵⁵ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 197.

таким связям органично притягивались и иные: религиозные, дарообменные, военно-союзнически и прочие. Кроме того, этот путь позволял:

а) индивидам и небольшим группам налаживать личные связи внутри других коллективов, что значительно усложняло сеть связей и открывало канал проявления инициативы;

б) включать в систему отношений новые группы;

в) отрываться от коллектива, не теряя с ним связи, группам любой величины, вплоть до одной семьи, что было крайне важно для приспособления к менявшейся экологической ситуации. Это также увеличивало распространение тех или иных культур на огромные территории.

4.6. Некоторые достоинства предложенной гипотезы

Предложенная гипотеза существования в начальных этапах первой формации не готовой системы социальных отношений, а только формирующейся, в чем важную роль играли интеллектуальные лидеры, дает ответ на поставленный вопрос об особенностях начальных этапов первой формации по сравнению с зрелыми. Зрелость формации связывается с появлением достаточно институционализированного коллективизма.

Однако помимо этого, моя гипотеза также позволяет существенно лучше описать ход исторического процесса до появления сельского хозяйства и объяснить некоторые общеизвестные моменты. При этом никакие факты ей не противоречат, а некоторые весьма существенно гипотезу подтверждают. Рассмотрим, в чем ее преимущества.

1. Яснее виден сам исторический процесс именно как процесс, хотя и медленный, но довольно сложный и неоднозначный, а не застывшее состояние.

Становится более ясным, чем начальные эпохи исторического процесса отличались от более поздних и от более ранних (до появления человека говорящего). С одной стороны, сложная система правил, обычаев и общепринятых норм, коллективного сознания и религии не была данностью, имманентно заложенной в коллективы, а являлась результатом длительной исторической эволюции, в которой очень существенна доля «роли личности».

С другой - в ордах троглодитов регулятивные нормы имели иную - несоциальную - основу (хотя внешне могли быть чем-то похожи на социальные). Это, конечно, не исключает, что отдельные элементы регулирования, уже близкие к социальному типу, у них могли быть⁵⁶. Однако система социального регулирования даже еще не начала складываться.

2. Проясняются и некоторые движущие силы исторического процесса в его начальной фазе, которые обычно как-то затушевываются. Это творческая активность отдельных людей, появление всевозможных комбинаций взаимоотношений лидеров между собой и с коллективом, что сильно увеличивало число вариаций регулирования социальной жизни тем самым давало хорошую возможность эволюционного отбора. Это также возможные влияния выдающихся людей на контактирующие с их собственными социумы. Благодаря этому происходило подтягивание отстающих обществ к передовым и диффузия различных культурных достижений.

3. Сказанное может лучше объяснить, почему нередко находящиеся географически близко культуры палеолита различаются сильнее, чем располагающиеся за тысячи километров друг от друга. Например, «индустрия западного и восточного

⁵⁶ Книга Поршнева «О начале человеческой истории» - это своего рода манифест в защиту тезиса, что люди нижнего палеолита не могут считаться людьми даже переходного плана, а их орудийная деятельность не требовала речи и вполне обходилась одними механизмами подражания. Речь же, вторая сигнальная система, появилась как средство подавления (торможения) регуляторов первой сигнальной системы. Бесспорно, Поршнев слишком категоричен, определяя троглодитов как особого плана животных. И все же многие аргументы его очень и очень весомы и хорошо подтверждают сказанное о невозможности наличия системы (но не отдельных элементов) социального регулирования до верхнего палеолита.

ориньяка на огромной территории, от Франции до Дона, ближе, чем индустрия западного ориньяка, шательперрона и перигора, существующие практически на одной территории и в одних и тех же условиях»⁵⁷. Автор цитаты склоняется к совершенно верной мысли, что «эти различия отражают особенности в сфере культуры (традиций, верований, знаний) групп первобытного населения»⁵⁸.

Однако откуда взялись традиции? И почему они были во много раз слабее выражены в нижнем палеолите, чем в верхнем? Идея, что традиции не были данностью, а вырабатывались и формировались под влиянием интеллектуальной деятельности отдельных лидеров, а потом становились уже данностью, лучше отвечает на поставленный вопрос.

4. Яснее видна неравномерность развития разных обществ и некоторые (помимо природного фактора и изоляции) причины такой неравномерности, связанные с наличием или отсутствием указанных лидеров. Поскольку появление выдающихся людей было редкостью, можно предположить, что ординарные общества были таковыми во многом потому, что они таких лидеров не имели. Следовательно, наличие каких-то значительных достижений в отдельных местах является не нормой, как это нередко представляется, а более редким случаем, который иногда оказывает влияние на соседей.

Хотелось бы отметить, что во все времена число обществ ординарных было гораздо больше, чем неординарных. Так было и в указанный период. Подтверждением этому является следующий факт. Только меньшинство палеолитических стоянок содержит остатки произведений искусства, при этом они концентрируются в сравнительно ограниченных зонах. «Отмечено, что палеолитические стоянки, содержащие произведения искусства, концентрируются в определенных районах. Статуэтки из камня и кости и предметы с орнаментом в европейской части СССР найдены только на 33 стоянках из известных 700 позднепалеолитических местонахождений, а серии таких предметов встречаются еще реже»⁵⁹. Зато на некоторых стоянках находок, свидетельствующих о развитии духовной культуры, обнаружено очень много⁶⁰.

5. Становится очевидным, что не только конец первобытности, но и ее начало представляли собой весьма пеструю картину и по уровню развития, и по характеристикам, и по набору социальных отношений в обществах⁶¹.

Тут хотел бы добавить, что в связи с указанной неравномерностью и тупиковостью ряда направлений, вероятно, масса социумов представляла собой еще не чисто социальные, а симбиотические образования, в которых биологические способы приспособления к изменяющейся природной среде играли большую роль, а язык был

⁵⁷ Долуханов П. М. География каменного века. М.: Наука, 1979. С. 82.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Авдусин Д. А. Археология СССР: Учебник, 2-е изд. перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1977. С. 36.

⁶⁰ Например, на стоянке Сунгирь под Владимиром, возраст которой 25 тыс. лет, «найден погребение мужчины, сопровождаемое большим количеством украшений, представленных ожерельями бус из бивня мамонта (их 3500) и просверленных зубов песка, а также пластинками, сделанными тоже из бивня мамонта. В трех метрах от этой могилы располагалась другая, где было погребение двух детей: Девочки 7 лет и мальчика 12 лет... Костяки густо посыпаны охрой. Украшений здесь еще больше, чем в первой могиле» (Авдусин Д. А. Основы археологии: Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1989. С. 39). Да это уже целое производство, здесь, видимо, были постоянные мастера-умельцы, обтачивающие и сверлящие кости и зубы.

⁶¹ И это является ответом на вопрос Л. А. Файнберга «насколько древним является такое разнообразие социальных форм. Существовало ли оно в каменном веке или же характерно только для современных отсталых этнографических групп, в течение Длительного времени живших и развивавшихся на периферии классовых обществ и находившихся под их влиянием или составивших устойчивые изоляты?» (Первобытное общество. М.: Наука, 1975. С. 64).

очень-очень неразвит⁶². Некоторые из них исчезли, другие смогли измениться под влиянием внутренних процессов или более развитых соседей.

(Продолжение следует)

⁶² Наличие среди известных первобытных народов множества малых рас — одно из доказательств сказанному. Можно предположить, что таких рас в начале и середине верхнего палеолита было еще больше, поскольку многие из них исчезли под влиянием разных причин, включая и прямое уничтожение. О морфологических приспособлениях охотничье-собирательских народов к экологической обстановке в палиге см.: Казанков А. А. Особенности адаптации охотников-собирателей в полупустынных зонах: эгалитаризм как эволюционная альтернатива / Альтернативные пути к цивилизации: Кол. Монография/ Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Корогае Д. М. Бондарско, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 207-218.